

О. В. Мащитько

Идеология экуменизма: лингвистическая революция

Исследуются языковые проявления одного из наиболее значимых элементов современной религиозной культуры – экуменической идеологии. На основе корреляции понятий «постидеологического» и «постсекулярного» проясняется идеологический статус экуменизма, а также его отношение к традиционной религиозности. Экуменизм трактуется как новый тип религиозного дискурса, специфика которого тесно связана с идеологической ролью в рамках многополярного мира: источника консенсуса, духовного единства, среды примирения. Функционирование экуменизма предполагает осуществление так называемой лингвистической революции, изменение языковой ситуации. Автор делает вывод о несовместимости языковых характеристик экуменической идеологии и ортодоксального христианского дискурса.

Для второй половины XX в. одним из определяющих стал тезис о наступлении постидеологической эпохи. Однако уже в 1970-е гг. тезис о рудиментарном статусе идеологии в обществе подвергался критике. Мнимый отказ от идеологии как пережитка тоталитарной эпохи был переосмыслен как формирование ее нового типа, специфичными для которого являются неявные формы контроля. Деидеологизация становится инструментом власти, в котором нетерпимость и тоталитарные свойства заменяются на конформизм и моральный релятивизм.

Дискуссии о конце идеологии, изменяясь во времени, тесно связаны с концепциями конца истории, секуляризации, постполитики, посткапитализма. Обращает на себя внимание параллель-сравнение, которое можно провести между понятиями «постидеологического» и «постсекулярного». Подобно тому, как неявная идеология получает распространение в мире, провозгласившем начало постидеологической эпохи, постсекулярная религиозность характерна для культуры, заявившей о своем секулярном статусе, о «расколдовывании». Постсекулярность особенно актуальна для постсоветского пространства, в том числе для белорусской культуры. Культурные процессы, связанные со становлением секулярного общества, привели к новым всплескам религиозных исканий, интереса к мистицизму, попыткам нового самоопределения в рамках традиционных конфессий. Сама современная культура религиозна во многих своих проявлениях – от суеверий и неомифологий до массовой культуры и искусства.

Соотнесение религиозных и идеологических феноменов не случайно: само понятие «идеология» обычно связывают с заменой религии свет-

скими типами сознания в процессе секуляризации. Неизменной остается значимость религии при формировании идентичности. К тому же не потеряли своей актуальности громкие слова С. Хантингтона о «кровавых границах ислама» [11, с. 179]. По его мнению, границы распространения мировых религий совпадают с цивилизационными границами, а на смену соперничества сверхдержав приходит столкновение цивилизаций, содержательно определяемое в значительной степени религиозной идентичностью: «Тысячелетия человеческой истории доказывают, что религия – не “маленькое отличие”, а, возможно, глубочайшее различие, какое только существует между людьми. Повторяемость, масштабы и ожесточенность войн вдоль линий разломов значительно увеличиваются верой в разных богов» [11, с. 170]. Ряд международных конфликтов, в том числе и войн нового типа (преэмптивная война, гибридная война), имеют ярко выраженное религиозное измерение.

Возникает закономерный вопрос об идеологическом статусе постсекулярной религиозности. Из наиболее весомого средства формирования культурной идентичности и цивилизационных различий религия превращается в идеологическую составляющую глобального многополярного мира. Экуменическая идеология идеально подходит для такой роли. Однако открытым остается вопрос о том, как должна измениться религия в ходе такого превращения. И что она собой представляет в качестве составляющей постидеологических принципов современности. Нерешенными являются задачи определения конкретных черт постсекулярной религии, способов ее экспликации, вопросы о том, с какими ценностными трансформациями связана замена традиционной религиозной идеологии на постсекулярную.

Целью данной статьи является экспликация языковых проявлений одного из наиболее значимых элементов постсекулярной культуры – экуменической идеологии. Поскольку идеология подразумевает языковые трансформации, логично предположить наличие лингвистических проявлений постидеологического, а в религиозном аспекте – постсекулярного состояния современной культуры. Исследование языковых проявлений функционирования экуменизма позволит прояснить его идеологический статус в рамках постсекулярной культуры, а также его отношение к традиционной религиозности.

Во-первых, необходимо ответить на вопрос, предполагает ли распространение идеологии экуменизма формирование новояза. Основными языковыми приемами последнего являются внедрение новых слов и языковых конструкций, диссимуляция (искажение), подмена понятий, эвфемизация (завуалирование смысла), отрицательные лексикализации, отрицательные сравнения (используются для характеристики идеологического противника). В культурологическом аспекте все пере-

численное в совокупности представляется в качестве изменения языковой ситуации, появления нового типа дискурса, неразрывно связанного со спецификой постсекулярной культуры.

Исследование лингвистических аспектов социокультурного функционирования экуменизма позволяет говорить о наличии языковых трансформаций по сравнению с традиционным религиозным дискурсом. Экуменическая идеология использует ряд языковых манипуляций, характерных для феномена новояза.

Во-вторых, необходимо отметить активное внедрение новых слов и языковых конструкций: «Церковь одного основания» [7]; «межцерковный диалог» (по отношению к диалогу с другими христианскими конфессиями – при использовании такого именованья они *de facto* признаются церковью в каноническом смысле); «Церкви-сестры» (по отношению к католицизму); «повреждение благодатной жизни», «неполное общение» (обозначение межконфессионального диалога, при котором постулируется необходимость восстановления утраченной «полноты христианства» [7]; «частичная благодать» (пребывающая в неправославных конфессиях и сектах, как остаточном явлении первоначально единой Церкви; при внедрении такого понятия слово «ересь» вообще теряет свое значение, становясь некой «истиной второго разряда»); «правая вера» (приемлемая для всех религиозных групп, с которыми ведется богословский диалог); «многополярный мир» (как идеал «нового мирового порядка» [6] – либеральное понятие, перенесенное в религиозную плоскость); «инославие» и «инославные» (вместо «иноверные», «еретики», «раскольники» – наименования, признанные неуместными в контексте экуменического диалога ввиду негативной окраски); «продвижение единства христианского мира» [8]; «движение за восстановление единства христиан»; «единство верующих во Христа» [8]; «братья в христианской вере» [10]; «всехристианская любовь и единство»; «восстановление истины» (нарушенной церковным расколом 1054 г.).

Вторым языковым приемом является очевидный мораторий на использование ряда понятий, в том числе входящих в святоотеческую традицию Православия. Так, например, фактически исключены из оборота в официальных документах и публичных заявлениях термины «ересь», «иноверный», «еретик», «раскольник» в отношении других религий и их представителей. Вместо этого используются более нейтральные и уместные в межрелигиозном диалоге термины «инославие», «инославные» [5]. Даже на уровне этимологии эти понятия не имеют отрицательных коннотаций, означая «иначе славящий».

Языковой особенностью экуменизма является подмена смысла понятий. Причем часто речь идет о ключевых терминах, которые наделяются неозначениями и вводятся в общецерковное употребление фактически

в качестве терминов-антагонистов (при сохранении формы слова его значение противоположно по отношению к исходному). Такая подмена зачастую касается ключевых точек православного дискурса – «Церковь», «христианин», «святой», «благодать», «Бог», «Всевышний», «раскольник». Так, острую полемику (достигла своей кульминации после гаванской встречи патриарха Кирилла и Папы и предания документов Всеправославного собора гласности) вызвало фактическое изменение исходного смысла понятий «церковь» и «христиане». Основной предмет критики – наделение католичества и протестантизма статусом Церкви (не ересь, не раскол), расширение святоотеческих понятий «христианство», «христианин» за счет неправославных конфессий, изменение смысла понятий «единая церковь» – от православной церкви Символа веры до искомого единства, утраченного при расколе (вплоть до утверждения, что православная церковь не является единой Церковью Символа веры) [1]. Напротив, раскольниками и даже врагами церкви называются фундаменталистски настроенные группы, также группы, противящиеся процессу модернизации: «Промедление и оттягивание сроков созыва собора будет только поводом для злорадства врагам Церкви, которые только этого и ждут» [8]. Такие словесные конструкции, как «борьба за чистоту православия», «борцы за православие», «ревнители за чистоту православия» употребляются исключительно в отрицательном смысле, как крайне нежелательное, неполиткорректное проявление нетерпимости [2]. Элементом экуменического новояза являются также понятия, обозначающие единство объекта веры в различных религиях. В ряде вариаций это – «единый Всевышний» всех религий [6], «Бог – как солнце, а разные религии – это лучи, через которые люди приходят к Богу» (патриарх Кирилл [10]), экуменические лозунги круглых столов и конференций, например: «Единый Бог – единое человечество» (круглый стол в Российском исламском институте, г. Казань, 28.02.2016).

Перечисленные лингвистические характеристики экуменизма тесно связаны с изменением идеологического статуса религии в постсекулярной культуре. На смену религии – источника цивилизационных различий приходит религия – идеальное и весьма авторитетное пространство межкультурного диалога, средство создания глобального многополярного культурного пространства, среда, обладающая высоким потенциалом опосредования цивилизационных различий. Данная идеологическая роль предполагает формирование нового типа религиозного дискурса.

Основной особенностью данного дискурса является формирование языковых способов нивелирования религиозных (и, как следствие, культурных и цивилизационных) различий. Разница здесь отнюдь не риторическая: если цель традиционного христианского дискурса – подчеркивание различий, то цель экуменической идеологии – их вуалиро-

вание. И если лейтмотивом традиционного христианского дискурса является разделение, полемичность, бескомпромиссность (как метко выразился А. Кураев: «Богословие – поиск наиболее точных, а не наиболее приемлемых слов и формул» [3]), то для постсекулярного дискурса приоритетным становится диалогичность и компромисс.

Очевидным следствием данной ориентации является размытость основных положений и понятий экуменической идеологии, амбивалентность семантики. Неопределенность смысла в данном случае является гарантией приемлемости для возможно большего числа адептов. Исследователи экуменизма при его характеристике на первый план выдвигают такие черты, как расплывчатость, туманность, «двуязычие»: «...мысли лишены конкретной базы богословия, не имеют в себе ничего доктринального, ничего догматического. Их могут толковать все христианские религии, каждая по-своему, открыто широкое поле словопрению, огромная возможность думать, ни до чего не додумываясь, ни к чему не приходя, ни к какому выводу. Над всем царит боязнь догмата» [9]. Так, в характеристике прошедшего Всеправославного собора на Крите (здесь экуменическая идеология была фактически провозглашена в качестве обязательной для всего христианского мира) отмечается резкое изменение стилистики и дискурсивных особенностей, характерных для соборов – никогда прежде для них не был приоритетом поиск консенсуса, скорее даже можно утверждать прямо противоположное. Очень точно данный контраст охарактеризовал А. Кураев в описании I Вселенского собора: «Первый Вселенский собор был в буквальном смысле слова экуменическим, даже в современном смысле этого слова. В работе этого собора принимали участие неправославные епископы – ариане. <...> Когда сегодня собирается экуменическая конференция, ее участники прежде всего начинают искать консенсус. <...> А святые отцы I Вселенского собора искали повод поругаться. Они искали такое слово, которое бы, как меч, разрубило видимое единство православных и ариан» [4, с. 74].

Инструментом экуменической идеологии является смешение теологического и секулярного дискурсов (использование культурологического и религиоведческого понятия «христианский мир» в теологических документах, либерального понятия «права человека» и т. п.), в результате чего ортодоксальной традиции навязывается чуждая терминология. Например, наличие «остального христианского мира» помимо православия с точки зрения культурологии или религиоведения вопросов не вызывает, но в рамках теологического православного святоотеческого дискурса он квалифицируется в качестве ересей и расколов. При этом понятие «христианского мира» в языке религиозного модернизма используется по умолчанию, как не подлежащее обсуждению. Также, когда гарантируется уважение прав человека со стороны христианского гуманизма [8], игнорируется тот факт, что в западном либеральном дискур-

се в права человека включены право на аборт, права сексуальных меньшинств, то есть такие ценности, которые никак не могут по умолчанию включаться в теологический контекст.

Если для традиционного христианского дискурса основным конституирующим доктрину фактором является риторика разделения (разграничение правоверия и ереси), то для религиозного модернизма столь же конституирующую роль играет риторика толерантности. Понятие «толерантности» буквально не сходит со страниц новостных ресурсов, касающихся религиозной тематики, присутствует в качестве основной темы и направления работы практически всех крупных международных конференций религиозоведческой и теологической направленности, фигурирует в официальных заявлениях и выступлениях представителей церковной иерархии. Определяющей идеей для большинства религиозных инициатив современности мог бы служить знаменитый девиз «Единство в главном, свобода во второстепенном, а во всем любовь» (автор – предположительно богослов Р. Мелдений). Риторика толерантности является аксиологическим ядром постсекулярной идеологии. При этом декларация терпимости сочетается с нетерпимостью по отношению к религиям, системам взглядов, идеологиям, ориентированным на сохранение самоидентичности, избегающим установки на интеграцию и поиск общности взглядов. Выражать убеждение в правоте какой-то конкретной религии считается неприличным. Получается своего рода парадокс: в культуре плюрализма можно быть кем угодно, но только не фундаменталистом. В результате «диалог религий трансформируется в религию диалога» [4]. Подобно тому, как концепция многополярного мира используется для противостояния западным культурам и оправдания западной культурной экспансии, идея универсальной религии используется для подавления форм религиозности, стремящихся сохранить свою идентичность.

Таким образом, экуменизм в качестве постсекулярной идеологии также, как и идеология фундаментализма, предполагает нетерпимость к инакомыслию, только в качестве идеологического противника рассматриваются те, кто не вписывается в единую социосимволическую реальность толерантного варианта религиозности. Аморфность образа религии, тесно связанная с отсутствием четких вероучительных границ, навязывается в качестве стандарта. Открытость для вариантов религиозной самоидентификации, характерная для постсекулярной культуры, подразумевает неавторитарный характер, «капитуляцию требований» (по выражению Киприани), уменьшение оригинальности религиозного содержания, небрежность по отношению к теолого-доктринальным и догматическим границам, меньшую ортодоксальность. В либеральной прессе постулируется утверждение, согласно которому обсуждение религиозных различий, отстаивание преимущества одной конфессии

перед другой, опасно. Бытует стереотип, согласно которому такая дискуссия по определению не может носить мирного характера, субъекты религии не должны вступать в конфликты во имя своих «идеальных референтов». На смену дискурсу истины приходит дискурс мнения.

По итогам рассмотрения языковых проявлений идеологии экуменизма в современной культуре необходимо сделать несколько выводов. Во-первых, распространение и функционирование экуменической идеологии предполагает формирование нового (по отношению к традиционному христианскому) типа дискурса. Специфичными для данного типа экуменического дискурса являются активное внедрение новых слов и языковых конструкций, мораторий на использование понятий, не согласующихся с толерантной моделью религиозности, подмену смысла понятий, использование языковых способов вуалирования религиозных (и, как следствие, культурных и цивилизационных) различий, размытость основных положений и понятий экуменической идеологии, амбивалентность семантики, смешение теологического и секулярного дискурсов.

Во-вторых, специфика данного дискурса тесно связана с новой идеологической ролью, которая отводится религии в рамках многополярного мира (источника консенсуса, духовного единства, среды примирения). Эта идеологическая роль востребована также политическими элитами Республики Беларусь. Статус мирного государства, образ островка стабильности, имидж державы-миротворца имеют большое значение для идеологического образа современной Беларуси, поддержавшей процесс деэскалации конфликта на Украине. В определенном смысле миротворческая миссия стала частью национальной идеи. Религиозная составляющая этого статуса является идеологически востребованной в сфере межконфессионального диалога, с чем связано активное позиционирование Беларуси в качестве полирелигиозного государства. Такая черта, как толерантность, исконно присущая национальному характеру белорусов, приобретает более конкретные очертания: «...каждый белорус в определенной степени и многонационален, и многоконфессионален» (программа ОНТ «Дело принципа»: тема «Какую роль религия играет в вашей жизни?»; выпуск 19 апр. 2016 г.). Отсюда настойчивое желание организовать встречу православного и католического иерархов на белорусской земле, которая стала бы для Беларуси духовным аналогом встречи «нормандской четверки» и обеспечила бы статус «цивилизационного моста» между Востоком и Западом. При этом полагается, что межконфессиональный мир предполагает определенную степень религиозной индифферентности.

В третьих, лингвистический анализ экуменической идеологии подтверждает ее радикальное отличие от христианского дискурса.

Несовместимость языковых характеристик экуменической идеологии и ортодоксального христианства позволяет утверждать, что в данном случае речь идет о принципиально новой религии, постсекулярном варианте христианства, новом мировоззрении, осуществляющем так называемую лингвистическую революцию для своего функционирования. Следовательно, говорить об экуменических тенденциях в рамках православного христианства не совсем корректно. По сути, речь идет о сосуществовании двух несовместимых типов религиозности в рамках одной религии. И в случае навязывания идеологии экуменизма в качестве обязательного элемента ортодоксии противоречия между ними будут неизбежны.

1. *Авидский, Кирилл, епископ.* Православная церковь не является «единой Церковью Символа веры» [Электронный ресурс] / епископ Кирилл Авидский // Москва – Третий Рим : православный национальный информационно-аналитический портал. – Режим доступа: <http://3rm.info/main/63312-o-chem-esche-mozhno-govorit-ep-avidskiy-kirill-pravoslavnaya-cerkov-ne-yavlyaetsya-edinoy-cerkovyu-simvola-veru.html>. – Дата доступа: 12.05.2016.

2. *Иларион, митрополит.* Всеправославный собор должен стать фактором единства Церкви [Электронный ресурс] / Митрополит Иларион // Православие и мир. – Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/mitropolit-ilarion-vsepravoslavnyj-sobor-dolzhen-stat-faktorom-edinstva-cerkvi>. – Дата доступа: 19.03.2016.

3. *Кураев, А. В.* Все ли равно как верить? : Сб. ст. по сравнит. богословию / А. В. Кураев. – Клин : Братство святителя Тихона, 1994. – 175 с.

4. *Кураев, А. В.* Вызов экуменизма / А. В. Кураев. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Грифон, 2008. – 479 с.

5. Основные принципы отношения Русской православной церкви к инославиям // Юбилейный архиерейский собор Русской православной церкви, 13–16 авг. 2000 г. – М. : Московская Патриархия, 2000. – С. 148–158.

6. Послание Всемирного саммита религиозных лидеров [Электронный ресурс] // Православие и мир. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/123666.html>. – Дата доступа: 12.01.2016.

7. Православие и экуменизм. Документы и материалы 1902–1998. – М. : МФТИ, 1999. – 394 с.

8. Проект документа Всеправославного собора, принятый V Всеправославным предсоборным совещанием в Шамбези, 10–17 окт. 2015 г. [Электронный ресурс] // Офиц. портал Белорус. правосл. церкви. – Режим доступа: <http://www.church.by/ru/docs>. – Дата доступа: 21.02.2016.

9. *Серафим (Соболев), архиепископ.* Надо ли Русской православной церкви участвовать в экуменическом движении? [Электронный ресурс] / Архиепископ Серафим (Соболев) // Одигитрия. – Режим доступа: <http://www.odigitria.by/2012/06/15/arxiepiskop-serafim-sobolev-nado-li-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi-uchastvovat-v-ekumenicheskom-dvizhenii>. – Дата доступа: 08.06.2015.

10. Совместное заявление Папы Римского Франциска и Святейшего Патриарха Кирилла (полный текст) [Электронный ресурс] // Православие и мир. – Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/sovместное-zayavlenie-papy-rimskogo-frantsiska-i-svyateyshego-patriarha-kirilla>. – Дата доступа: 14.02.2016.

11. *Хантингтон, С.* Столкновение цивилизаций / Самюэль Хантингтон ; пер. с англ. Т. Велимеева. – М. : АСТ, 2006. – 576 с.

O. Mashchitska

Ecumenism ideology: language revolution

The article investigates linguistic manifestations of one of the most important elements of modern religious culture – the ecumenical ideology. Based on the correlation of post-ideological and post-secular concepts the ideological status of ecumenism, as well as its relation to traditional religiosity is revealed. The ecumenism is treated as a new type of a religious discourse, the specifics of which are closely linked to the ideological role of religion within a multipolar world: a source of consensus, spiritual unity, and reconciliation environment. Functioning of ecumenism involves the implementation of the so-called “linguistic revolution” and the change of the language situation. The author concludes about the incompatibility of linguistic characteristics of the ecumenical ideology and orthodox Christian discourse.

Дата паступлення артыкула ў рэдакцыю: 29.09.2016.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ